

В тот день перед красными воротами груды тел стали морем, кровь залила небо, большинство слуг в резиденции канцлера сошло с ума от ужаса. На следующий день Цзи Мин и вовсе сослался на болезнь и подал прошение об отставке, но император его отклонил.

— Юйэр последние дни болеет, и Нам очень тревожно. Если любимый министр сейчас уедет, она, узнав, непременно огорчится, — с печальным выражением лица, изображая глубокую привязанность, промолвил император Цзинфэн. — Когда она очнётся, тогда и обсудим вопрос вашего отъезда или оставания.

Услышав такие слова, Цзи Мин как мог не понять? Если Цзи Юй в дальнейшем продолжит благополучно жить, он, как отец, сможет хоть как-то обезопасить себя. Если же на этот раз она не выкарабкается, то, согласно словам Тань Чжана, все несколько сотен душ семьи Цзи отправятся вслед за ней на тот свет.

К счастью, Цзи Цинбай на этот раз очнулся.

О том, какие бури разразились в предыдущей жизни из-за него, Цзи Цинбай не ведал ни капли. С тех пор как он пробудился, его номинальный отец внезапно оставил службу, и тот решил, что его предыдущие намёки возымели действие, отчего в душе даже возникла некоторая гордость.

Разумеется, император ничего ему не рассказывал.

Когда Цзи Цинбай немного поправился, у вдовствующей императрицы внезапно появились планы: отправиться в храм для молитв о благословении императорской родословной.

Говоря о вопросе императорской родословной, Цзи Цинбай не мог не вспотеть от смущения.

Предыдущий раз, когда вдовствующая императрица расширяла гарем, Цзи Цинбай весьма поддерживал это дело. Он даже с радостью помогал присматривать за красными нитями судьбы Почтенного Будды. Но прошло столько времени, красные нити так и не связались, а он сам оказался впутанным в это.

Чувства и любовь — дело слишком сложное, легко о них не поговоришь.

Вернёмся к делу: гарем расширили, красавицы всех мастей вошли в него, но вопрос продолжения рода и распространения ветвей всё ещё не имел результата. Император упрямо осыпал Цзи Цинбай милостями, сделав его главой шести дворцов. Если бы не внешность Цзи Юй, многие наверняка уже подали бы доклады, обвиняя его в бедствии от демонической наложницы.

Клянусь небом и землёй, он и Почтенный Будда до сих пор сохраняли чистые, непорочные отношения. Даже когда спали в обнимку, вели себя очень прилично.

Храм Паньлун был построен ещё при покойном императоре. Поскольку в гареме молились о благословении, император не поехал с ними, чтобы не мешать. Однако перед отъездом он оставил Цзи Цинбаю Цзэн Дэ.

С учётом того, что лично заботился сам великий управляющий, одно это показывало, что вес Цзи Юй в сердце императора Цзинфэна был далеко не простой тяжестью или лёгкостью.

Как и у вдовствующей императрицы, у Цзи Цинбая была отдельная повозка-носилки, внутри которой были печь, ковры и всё необходимое. Его личные вещи были лично выбраны Тань Чжаном, и сказать, что это было предельное расточительство и обожание, — не

преувеличение.

Цзи Цинбай лежал, перелистывая книжку с народными сказаниями о чудищах. Помимо простой скромной одежды, на его запястье были лишь чётки, подаренные императором.

Вдовствующая императрица отправила своих людей преподнести благоволия. Поскольку Цзи Цинбай сам по происхождению был божеством, он не придавал этому значения. Он велел Цзэн Дэ выбрать, а сам взял несколько палочек, посмотрел и подумал, что смертные довольно забавны.

Вспомнилось, как в былые времена лотосовый трон Безмерного Будды тоже часто принимал воскуриваемые в мире людей благоволия. Почтенный Будда изо дня в день созерцал добро и зло, жизнь и смерть в мире смертных, и в конце концов это была всего лишь горстка пепла от благоволий в глазах Тань Чжана.

Даже императорский кортеж, прибыв в храм, должен был следовать правилам монахов. Настоятель храма Паньлун носил монашеское имя Хуайжан. После обмена приветствиями несколько послушников проводили людей в келью.

Собрав вещи, вдовствующая императрица вместе с Цзи Цинбаем отправились в Чертог Безмерности для поклонения Будде. Увидев золотую статую Будды, поддерживающую балки, Цзи Цинбай выразил сложные чувства.

Вдовствующая императрица была в годах и не могла долго читать сутры, так что в конце концов лишь Цзи Цинбай один остался стоять на коленях на циновке. Тело Цзи Юй было не слишком выносливым, и, простояв на коленях некоторое время, Цзи Цинбай тоже поленился, усевшись криво-косо.

Он ещё раз взглянул на гигантскую статую Будды перед собой и подумал: в конце концов, она ни капли не похожа на Тань Чжана, и то, что он не кланяется этой подделке, вполне закономерно.

Когда Хуайжан вошёл, он увидел Цзи Цинбая в таком обмякшем, бескостном виде. Он произнёс «Амитофо», а Цзи Цинбай поспешил ответить поклоном.

Взгляд Хуайжана упал на его запястье, задержался на мгновение, и выражение его лица, казалось, стало несколько удивлённым.

Цзи Цинбай моргнул, последовал его взгляду и опустил глаза на чётки на своём запястье.

Хуайжан улыбнулся, сложил ладони и тихо проговорил:

— Так значит, Его Величество просил благополучия для дарителя.

Цзи Цинбай даже не помнил, как вернулся в свою келью.

Он не заметил, как Цзэн Дэ стоял на коленях у входа, встречая его. Служанка поднесла чашу с лекарством, он отхлебнул половину и застыл, держа жидкость во рту, мыслями снова унесясь невесть куда.

Слова Хуайжана всё ещё звучали в ушах:

— Его Величество один прошёл тысячу ступеней, целую ночь простоял на коленях перед

Буддой и своими руками нанизал для дарителя эти чётки.

Сказав это, монах снова взглянул на Цзи Цинбая, взгляд его был милостивым и сострадательным.

— Нищий монах, тронутый искренностью и глубиной чувств императорского сердца, надеется, что Безмерный Великий Будда явит чудо и благословит дарителя в будущем благоденствием, здоровьем и долголетием.

Цзи Цинбай закрыл глаза. Весь рот был полон горечи лекарства, и ему показалось это несколько комичным, смешанным с непонятым волнением в сердце, смутно болезненным.

Когда Тань Чжан преодолевал для него длинные ступени и проводил долгую ночь, знал ли он, что Будда, к которому он в мире людей обращался с вопросами, был он сам?

Безмерный Почтенный Будда превзошёл шесть миров, его печать Дхармы беспредельна, и всё в этом мире — всего лишь пылинки в глазах Почтенного Будды. Причины и следствия, кармические связи, чувства, любовь, горечь и ненависть — всё это лишь страдания, которые Почтенный Будда в Нижнем мире должен преодолеть в этой жизни.

То, чего в этой жизни желает Тань Чжан, независимо от причин, следствий и испытаний, навеки недостижимо.

Он и есть Безмерный, Безмерный и есть он. Чего не может Безмерный в мире людей, того не может и он.

Лишь когда служанка с испугом воскликнула «Ваше высочество!», Цзи Цинбай обнаружил, что сам не знает, когда успел расплакаться. Слезы хлынули потоком, и остановить их было невозможно.

Служанка повернулась, чтобы позвать великого управляющего, но, обернувшись, увидела, как Цзи Цинбай внезапно согнулся пополам и с шумом выплюнул кровь. Она побледнела от страха и, опустившись на колени, заплакала:

— Ваше высочество! Не пугайте рабыню! Я сейчас же позову лекаря!

Цзи Цинбай вытер ярко-красную кровь с губ. Следы слёз на лице были размыты, но не было лишних выражений. Он лишь мягко махнул рукой:

— Ничего, не нужно никого звать.

Служанка всхлипывала, не решаясь, что делать, и, подняв глаза, встретилась с сияющим, как звёзды и дневной свет, взглядом Цзи Цинбая.

— Ничего не говорите императору, — Цзи Цинбай прижал руку к груди, сейчас даже говорить было тяжело. — Молитвы вдовствующей императрицы о благословении — благое дело, нельзя из-за меня омрачать настроение.

Служанка закрыла рот и нехотя кивнула.

Цзи Цинбай наконец немного успокоился. Он лишь чувствовал, как голова становится тяжёлой и мутной, и в конце концов беспamięтно провалился в сон.

Когда он снова проснулся, был уже полдень следующего дня.

Открыв глаза, Цзи Цинбай увидел служанку, дежурившую у его кровати. Увидев, что он очнулся, та искренне обрадовалась:

— Ваше высочество.

Цзи Цинбай почувствовал, как голова раскалывается от боли, и, открыв рот, обнаружил, что голос охрип:

— Вдовствующая императрица приходила?

Служанка кивнула, затем покачала головой:

— Приходила. Я сказала, что вы ещё не проснулись. Вдовствующая императрица проявила снисходительность и не стала наказывать.

Цзи Цинбай кивнул и дождался, пока служанка принесёт чашу с лекарством и поможет ему выпить.

Цзэн Дэ, очевидно, не знал, что произошло прошлой ночью. Хотя он и беспокоился о здоровье Цзи Юй, но как управляющий евнухов он никак не мог переступить границы и приблизиться к её высочеству. Поэтому лишь когда после полудня Цзи Цинбай привёл себя в порядок, его позвали внутрь.

В дни молитв о благословении все из императорского внутреннего двора должны были следовать за монахами, читая сутры и повторяя имя Будды. Цзи Цинбай не смог пойти утром, поэтому после полудня обязательно нужно было наверстать.

Цзэн Дэ сопровождал Цзи Цинбая в Чертог Безмерности. Настоятель Хуайжан стоял на коленях перед статуей Будды и, обернувшись на звук шагов, произнёс «Амитофо».

После вчерашнего Цзи Цинбай не слишком хотел его видеть, но сейчас развернуться и уйти было бы легко истолковано превратно, поэтому ему пришлось, стиснув зубы, встать на колени на циновку рядом.

Монахи не чтят богатство и власть, но к Цзи Цинбаю проявляли некоторую почтительность:

— Даритель хорошо отдохнул вчера?

Цзи Цинбай равнодушно ответил:

— В зале было довольно холодно, прошлой ночью, видимо, продрог, но это не страшно.

Хуайжан кивнул, с облегчением сказав:

— С благословением Безмерного Великого Будды даритель непременно преодолет опасность и обретёт мир и безопасность.

Цзи Цинбай изначально сложил ладони, готовясь сосредоточенно, для вида, бормотать, но едва услышав слова «Безмерный Великий Будда», сердце его вновь болезненно сжалось. Он глубоко вздохнул, наполовину повернул голову и с холодным выражением лица произнёс:

— Выходящие из мира не лгут, настоятель, пожалуйста, больше не говорите слов о благословении или неблагословении. Мы с вами всего лишь смертные, как можем угадать, даст ли Безмерный Почтенный Будда мне жить или умру я?

Хуайжан, должно быть, не ожидал, что Цзи Цинбай так возразит, и после такой отповеди несколько мгновений не мог прийти в себя, застыв на месте.

Сказав это, Цзи Цинбай тоже не почувствовал облегчения. Он поднял голову, взглянул на золотую статую Будды и почувствовал, как глаза наливаются кислой болью, а с каждым вдохом и выдохом сердце сжимается так, словно вот-вот перестанет дышать.

<http://bllate.org/book/15582/1387581>